

УДК 801.73

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ ДИСКУРСОВ:
ТРИ РИТОРА, ТРИ ТЕКСТА, ТРИ ЯЗЫКА**

© 2013 г.

*Н.Э. Гронская, В.Г. Зусман, Т.С. Батищева*Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ngronskaya@hse.ru, vzusman@hse.ru, tbatishcheva@hse.ru

Поступила в редакцию 10.08.2012

Рассматривается тоталитарный дискурс в политике и литературе первой трети XX века. На примере речей политических лидеров тоталитарной эпохи выявляются особенности их мышления и языка.

Ключевые слова: ментальность, язык, тоталитарный дискурс, образ «врага».

Неослабевающий интерес вызывает функционирование языка и литературы в тоталитарных и авторитарных обществах. Вслед за В.А. Грехневим можно утверждать, что «...язык общения, совершенно отпавший от литературной речи, перерождается в скудоумный набор бесцветных, почти рефлекторных формул, жалких стереотипов, способных передать лишь простейшие поведенческие стереотипы, но не жизнь мысли и сердца» [1, с. 7]. Представляется, что язык тоталитарного общения – это «цветастый» набор политических формул и стереотипов, часто содержащий лингвистические манипуляции магического вождя, способного заморозить огромную аудиторию верноподданных.

Подчинение авторитарному вождю, фюреру всегда имеет экономические и политические причины. На языковом уровне эти пружины покорности маскируются в идеологические одежды. Смесь декламаторства, дутого пафоса и агрессии – характерные черты тоталитарного языка, неразрывно связанного с авторитарным режимом.

Авторы статьи попытались проанализировать и сравнить в дискурсивном ключе с опорой на языковую ресурсную базу три текста, являющиеся публичными речами трех политических деятелей тоталитарных государств: И. Сталина, А. Гитлера и Б. Муссолини.

Прежде всего следует очертить область применения термина «дискурс». В данном случае эта категория используется в междисциплинарном плане – на стыке лингвистики, литературоведения и политологии. Неизбежно возникает необходимость выделить разные уровни этого понятия.

Если выдающийся французский лингвист Э. Бенвенист определял дискурс «как речь, при-

сваиваемую говорящим», то специфика тоталитарного дискурса, пожалуй, заключается, в том, что эта речь не присваивается слушающим. Слушающий в тоталитарном дискурсе становится не говорящим и думающим, а повторяющим/молчащим/согласяющимся.

По мнению Э. Бенвениста, «дискурс» – это «язык в действии», «акт речи», соединяющий язык и присваивающего его человека. Тоталитарный дискурс заключается, скорее, в том, что язык присваивает человека. Французский лингвист подчеркивал, что в дискурсе фигурирует «высказывание», то есть «приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [2, с. 312]. Присутствие «субъекта» выражается в словах «я», «сейчас», «здесь», «обещаю», «клянусь» [3, с. 15]. Эти «показатели дейксиса» «прицепляют» высказывание ко времени, к месту, к обстоятельствам акта высказывания. Тоталитарный дискурс подразумевает индивидуальный речевой акт говорящего и коллективный акт восприятия со стороны слушающих. Человек из толпы, зачарованный харизматическим лидером, получает тоталитарную речь «готовой». Он не способен подвергнуть ее сомнению. Тоталитарный дискурс псевдиологичен.

Современное понимание дискурса, сложившееся в трудах французского философа, историка и теоретика культуры М. Фуко, носит, в целом, надлитературный и надлингвистический характер. Французского мыслителя интересуют более общие проблемы истории и культуры. В книге «Слова и вещи» (1966) М. Фуко трактует дискурс как «совокупность структурирующих механизмов надстройки» в противоположность «недискурсивным» экономическим, техническим механизмам и закономерностям [4, с. 26].

В этом контексте «дискурс» – явление коллективной ментальности.

Развитие французской школы анализа дискурса происходит в контексте студенческой революции 1968 года под знаком соединения социологии, семиотики, философии и психоанализа. В книге М. Фуко «Археологии знания» (1969) главным предметом анализа становятся речевые практики, сосуществующие внутри одной эпистемы. Под «эпистемой» М. Фуко понимает «исторически изменяющиеся структуры», «исторические априори», которые определяют «условия возможностей» мнений, теории и наук в каждый данный период [4, с. 12]. Французского философа интересует взаимодействие речевых, дискурсивных практик, определяющее «как слова, так и вещи» [5, с. 718]. Вероятно, дискурс власти в понимании М. Фуко разворачивается внутри тоталитарной эпистемы.

Вслед за Э. Бенвенистом и М. Фуко голландский лингвист Т. Ван Дейк понимает дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [6]. Специфика тоталитарного дискурса заключается в том, что «коммуникативное событие» не происходит «между говорящим и слушающим», а совершается «над» слушающим. Слушающий внимает, но активно в общении не участвует. В тоталитарном дискурсе происходит, как мог бы сказать М.М. Бахтин, инструментализация слушающего. Для говорящего он превращается в «объект», «безгласный предмет», лишенный собственного сознания и голоса. Тоталитарный дискурс исключает «диалогические отношения», требующие экстралингвистического, экстратекстового «ответного понимания» и включающие в себя оценку. В тоталитарном дискурсе преобладают односторонние речевые конструкции говорящего. Используемые ритором обороты и слова выражают семантику, не требующую сотворчества и ответа. В диалогическом дискурсе говорящий и слушающий меняются ролями. Они обмениваются не предложениями, а высказываниями, имеющими «не значение, а *смысл*» [6]. В политическом дискурсе обнаруживается «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным» [7, с. 46], и это, вне всякого сомнения, обеспечивает благоприятную почву для разного рода манипуляций.

Политический дискурс становится нередко темой художественной литературы. Так, в знаменитой новелле «Марио и волшебник» (Mario und der Zauberer, 1930) Т. Манн в образе гипнотизера Чиполлы показал «магического жреца», напоминающего одновременно Гитлера, Муссолини и Сталина. Гипнотизер Чиполла – прообраз авторитарного тирана XX века. Подобно трем тиранам, Чиполла в новелле Т. Манна, владеет секретом соединения целесообразности, линейной логики с регистрами подсознательного. Подобно Муссолини, Гитлеру и Сталину, он ставит опыты по «обезличению человека».

В двенадцатой главе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», созданного в то же время, что и новелла Т. Манна, показан сеанс черной магии с несостоявшимся разоблачением (за это указание мы признательны М.М. Гельфонд). Воланд и Коровьев – ближайшие литературные двойники Чиполлы Т. Манна. Отличие только в том, что трагический пафос новеллы предстает в романе М.А. Булгакова в трагикомическом варианте. Философ-наблюдатель присутствует в том и другом произведении. Если у Т. Манна эту роль играет повествователь, то в романе «Мастер и Маргарита» философское осмысление эпизода в цирке принадлежит мессииру Воланду и читателям. Образ гипнотизера и магического жреца раздваивается. Комические трюки и фокусы совершают Коровьев и Бегемот, в то время как рефлексия – удел Воланда. В новелле Т. Манна гипнотизер Чиполла объединяет амплу Коровьева, Бегемота и Воланда в одном лице. В воображении читателей может выстраиваться потенциальный литературно-исторический ряд: Чиполла – Муссолини – Гитлер – Воланд – Коровьев – Сталин... Конечно, это ряд совершенно гипотетический, возникающий в результате сближения исторических фигур и литературных образов.

Одновременное появление литературных свидетельств тоталитаризма – момент не вполне случайный. Т. Манн и М.А. Булгаков фиксируют зарождение тоталитарного дискурса, состоящего из опытов над людьми, утраты зрителями свободы воли, подчиняющимися магии вождя и способными временами внезапно выходить из под гипноза.

Образ языкового тоталитаризма предстает как иллюзорная система, отчасти временного характера. Канадский исследователь Ф. Эйдлин предполагает, что в реальности осуществить принципы новояза невозможно, поэтому «тоталитаризм всегда будет оставаться утопическим идеалом, – чем-то, к чему будут стремиться диктаторы, но чего они никогда не достигнут» [8, с. 351]. Тоталитарный контроль над языком

никогда не оказывался полным, даже во времена расцвета тоталитарных режимов.

Тем не менее, влияние тоталитарного режима на коммуникативные процессы и дискурсивные практики в обществе было велико: определялось это воздействие особым характером тоталитарной идеологии. Основное качество тоталитарной идеологии – телеологическая (целевая) ориентация на общественное развитие – привело к тому, что манящий счастливый образ будущего вытеснял из общественного сознания повседневные трудности и тяготы. Второе качество – патерналистский характер идеологии, т.е. покровительственное, полуотеческое отношение вождей к народу, готовило благоприятную почву для осуществления манипулятивных акций с массовым общественным сознанием.

Тоталитарный режим всегда стремился к сакрализации власти, культу вождей. Причем система идеологического внушения носила обязательный характер, создавалась система обработки общественного сознания, манипулирования им при ведущей роли языка как инструмента символизации действительности и сакрализации власти [9]. Характерные черты тоталитаризма сводятся к идеологизации и рационализации общественного сознания. Некоторые исследователи называют эти изменения тотальной политизацией сознания [10].

Проследим обозначенные типичные (общие) и специфические черты тоталитарного дискурса в трех текстах трех авторов, олицетворяющих образ диктатора XX века.

В качестве кейса на русском языке была взята речь Сталина И.В. на приеме работников высшей школы в Кремле 17 мая 1938 года. В.А. Невежин считает кремлевские приемы важнейшими мероприятиями государственного масштаба, укрепившими личную власть Сталина и сплотившими вокруг вождя элиту советского общества [11]. Сам формат приема предопределяет «режим» восхваления, прославления – с принимающей стороны и «режим» слушания, согласия, поддержки – со стороны пришедших на прием. Сталин в данном случае не только и не столько «руководитель страны», «властелин государства», «отец народов», сколько вполне доброжелательный и гостеприимный хозяин, принимающий гостей. Здравицы, тосты, ответные хвалебные реплики – вот характерные речевые формулы данного дискурса. Однако не следует считать, что кремлевские приемы порождали неформальный дискурс [11], напротив – имели место фиксированные места за столами, контроль со стороны сотрудников НКВД, жесткий церемониал.

При анализе выступления Сталина перед работниками высшей школы в первую очередь обращает на себя внимание простота и прозрачность текста. Специалисты утверждают, что «как ни парадоксально, но именно обеднение словаря Сталина придало его речам монументальность и торжественность, сделало их не тем, над чем стоило размышлять, а тем, что не подлежит сомнению» [12].

Интересно, что даже вполне «мирный» текст, обращенный к представителям науки, оказывается поляризованным сразу по нескольким векторам: наука versus народ; старая и новая наука, простые люди versus ученые. Сталин противопоставляет «народную» науку науке «вдали от народа», служащей народу по принуждению; клеймит позором старых, традиционных ученых («жрецов», «монополистов науки»), всячески восхваляя молодых, ломающих старые нормы и традиции; возвеличивает неизвестных в науке людей (например, А.Г. Стаханова – советского шахтера). Подобная поляризация текста непременно сегрегирует адресата (аудиторию), поскольку в зале находятся представители поляризованных групп (выдающиеся ученые и молодые специалисты, представители ненаучного сообщества и профессиональные научные сотрудники).

«Плохая наука» автоматически маркирует тех, кто не поддержал идеи В.И. Ленина (Г.В. Плеханов и др.). Сталин ставит Ленина, как положительный пример, в один ряд с Галилеем и Дарвином, считая его научное поведение образцовым – «образец мужа науки». Возвеличение реализуется через использование клишированных выражений высокого языкового регистра: «корифей науки», «величайший человек современности» и др. Так в речи вождя проявляется в полной мере смесь декламаторства, ложного пафоса и агрессии – характерных черт тоталитарного языка.

Особо стоит подчеркнуть «просветительский» с общестратегической точки зрения характер выступления – Сталин разъясняет собравшимся в Кремле, что такое настоящая, передовая наука – «Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется передовой наукой». Эта общая интенция просвещения с точки зрения языка напоминает слова основоположника современной науки public relations Эдварда Бернейса, определяющего разницу между образованием и пропагандой только в точке зрения: «Проповедь того, во что мы верим, – это образование. Проповедь того, во что мы не верим, – пропаганда» [13, с. 16]. Тоталитарный дискурс успешно объ-

единяет эти две ипостаси языка (быть инструментом пропаганды и быть инструментом образования) и делает пропаганду частью образования. В этой связи важной иллюстрацией являются уже упоминавшиеся ранее наблюдения, содержащиеся в серии статей А.И. Щербинина [14, с. 116–136], который, исследуя процесс индоктринации как инструмента воздействия на менталитет, уделяет большое внимание лингвистической составляющей образовательного процесса в тоталитарном обществе. Говоря об образовательной системе советского государства периода 1930–1950-х годов, автор находит подтверждение существования и насаждения черно-белого мышления в самых первых учебниках – букварях. Буквари для взрослых (ликвидация неграмотности) и буквари для детей (обучение грамоте) формировали классовую позицию обучаемых: «...такой букварь можно с полным основанием назвать «Самым кратким курсом ВКП (б)»... дети, изучая букварь... постигли нехитрую политическую азбуку, овладели основами логики социальной классификации» [14, с. 116].

Нечто похожее мы наблюдаем и в случае со сталинским текстом про науку и ученых: правильно думать, что нет единой науки, есть новая – правильная и старая – «тормоз», превращающая людей в «рабов этих традиций».

Рассмотрим другой кейс, связанный с еще одним вариантом тоталитарного мышления и тоталитарного языка, – речь Гитлера в Вене, на площади Героев. Она была произнесена на несколько месяцев раньше кремлевского выступления Сталина.

Формат речи Гитлера также отличается от приветствия Сталина в Кремле. Поводом для обращения к венцам служит важное историческое событие – «аншлюс», присоединение Австрии к Германии. Гитлер выступает на большой площади перед огромной аудиторией. Его речь усиливают микрофоны. Однако Гитлера и Сталина сближают монологизм, амплуа «хозяина», уверенность в собственной непогрешимости и праве учить других. Индоктринация – общий момент в речах советского и фашистского властителей.

15 марта 1938 года, в присутствии огромного скопления слушателей, Гитлер произнес победную речь по поводу присоединения Австрии к III Рейху. Основная семантическая направленность авторитарного политического дискурса разворачивается «сверху – вниз». Гитлер словно гипнотизирует слушателей на венской площади Героев. Однако аудитория

внутренне готова к погружению в состояние коллективного гипноза.

Обращаясь к собравшимся перед Национальной библиотекой австрийцам, оратор говорит: «Немцы!» (Deutsche!). Это переименование, употребление одного этнонима вместо другого, подчеркивает мысль о том, что самостоятельности Австрии пришел конец.

Если начало речи построено на инструментальной замене этнонима («Немцы!» вместо «Австрийцы!»), то далее оратор переходит на язык абстрактных схем и обобщений. Он обращается к слушателям со словами «Мужчины и женщины!». Акцентируя пол, оратор делает акцент не на личности, индивидуальности, а на биологическом типе. Типизация человека, встраивание его в состав той или иной обобщенной схемы (этнической, гендерной, социальной), снятие индивидуальности – характерные черты тоталитарного языка.

Тоталитаризм нуждается в «авторитете», «отце», «хозяине». В немецком и итальянском вариантах тоталитарного языка использование вождями религиозно окрашенной лексики – прием продуманный и сознательный [15]. Гитлер не отказывается от религиозной лексики, понимая, что ее легче использовать, чем отменить. Оратор заявляет: «Итак, я возвещаю новое предназначение (новую миссию) этой страны» (Ich proklamiere nunmehr für dieses Land seine neue Mission). Политизация «сакрального» – одна из особенностей тоталитарного языка.

Оратор на площади Героев рассуждает далее о «силе воли национал-социалистов» (nationalsozialistische Willenskraft). Тема «воли» всегда волнует диктаторов, которые единолично владеют истиной. Они всегда знают, кто прав – кто виноват. В категориях черно-белого мышления Сталин и Гитлер рассуждают о старой и новой науке, о внутренних и внешних врагах. Изничтожая врагов, ораторы в противовес называют имена героев.

Следующий лексический слой речи на площади Героев – историзмы. История германской империи функционально также нужна для поддержания авторитета. В речи появляется устаревшее слово “Gauen” (земли, провинции, территории), “die alte Ostmark des Deutschen Reiches” (восточная марка германской империи). Используется архаично-возвышенная и судебно-казенная лексика. Речь завершается германским возгласом Sieg Heil! «Слово «оплот» встречается в нескольких вариантах: общезыковым (Bollwerk) и архаичном (Trutzburg). Оратор использует обороты «залог счастья и мира вели-

кого немецкого народа» (Unterpfang für das Glück und für den Frieden unseres großen Volkes).

Прилагательное «великий» (groß-) встречается 6 раз в краткой речи Гитлера, состоящей из 543 слов. Лексические единицы, обозначающие силу, насилие, милитантность (сила, жесткость, давление, победа и т.д.), пронизывают речь фюрера. Это еще один лексический слой, характерный для языкового воплощения тоталитарного кода.

Далее оратор на площади Героев совершает умелый риторический ход. Он снижает уровень обобщения, выступая от имени «миллионов жителей этой прекрасной немецкой страны, от имени штирийцев, жителей Нижней и Верхней Австрии, зальцбургцев, тирольтцев, жителей Каринтии и, прежде всего, от имени города Вены» (im Namen der Millionen dieses wunderschönen deutschen Landes, im Namen der Steirer, der Nieder- und Oberösterreicher, der Kärntner, der Salzburger, der Tiroler und vor allem im Namen der Stadt Wien)». Эта дифференциация, упоминание австрийских названий, входит, тем не менее, в суммативное обозначение «немецкое»: «Эта страна немецкая, она поняла свое предназначение (Mission), она его выполнит...»

Завершение речи связано с личными интонациями. Оратор говорит о том, что совершил главное деяние своей жизни – вернул Австрию в германский мир (die größte Vollzugsmeldung meines Lebens abtatten). На этой игре личного и безличного, обобщенного и конкретного, на переплетении освященных авторитетом прошлого слоев языка, и построено тоталитарное мышление, подразумевающее ответный экстаз слушателей и исключаящее «вопросание», диалог.

У находящихся в состоянии аффекта слушателей не возникает мысль о возможности задавать критические вопросы. Исследователь тоталитарного языка В. Клемперер точно обозначает это свойство тоталитарного режима как «подавление потребности вопрошать» (das Unterdrücken des Fragetriebs) [16, с. 78]. Отсутствие вопросов и сомнений свидетельствует о том, что тоталитарный язык воспринят слушателями изнутри, присвоен массовым адресатом. Аплодисменты, приветственные возгласы, вербальные и невербальные проявления восторга – существенные характеристики тоталитарного языка.

Еще один кейс, выявляющий специфику тоталитарного дискурса, связан с речью, произнесенной Б. Муссолини 10 июня 1940 г. В этой речи дуче провозгласил вступление Италии во Вторую мировую войну.

Благодаря своему журналистскому опыту, умению вести диалог с толпой, риторическому таланту Бенито Муссолини известен как один из самых успешных ораторов тоталитарного режима. 10 июня 1940 года на площади Венеции в Риме Муссолини объявил о вступлении Италии в войну на стороне фашистской Германии. Эта короткая эмоциональная речь дает яркое представление о Муссолини-ораторе и об особенностях языка его выступлений.

Успех публичных речей Муссолини во многом обеспечивает простота языка. Дуче редко использует литературные аллюзии, научные и политические термины, заимствованные слова. Его речи легко понятны всем. Общеизвестный факт, что фашистская партия Италии проводила политику контроля над языком, чтобы «защитить» его от влияний других языков и итальянских диалектов. Однако это не значит, что выступления итальянского вождя примитивны. Муссолини активно пользуется традиционными, известными каждому, ораторскими клише. В анализируемой речи это, например, такие фразеологизмы, как «жребий брошен», «корабли за спиной сожжены». Простота, с одной стороны, и «красивость», знакомая всем, с другой, позволяют достичь необходимого эффекта. Декламаторство – один из признаков тоталитарного языка.

При анализе речей Муссолини обращает на себя внимание их четкая структура. Они практически всегда построены как диалоги с толпой и имеют следующую композицию: обращение – речь – пауза – обращение – речь – пауза – заключительное обращение. Подобная структура позволяет полностью вовлечь толпу в тему речи, создает у слушателей иллюзию «соучастия», обеспечивает оратору активную поддержку. По этому же принципу построена и речь, произнесенная 10 июня.

Уже первое обращение задает тон всей речи: «Бойцы земли, моря и воздуха! Черные рубашки революции и легионов! Мужчины и женщины Италии, империи и королевства Албании! Слушайте!» (Combattenti di terra, di mare e dell'aria! Camicie nere della rivoluzione e delle legioni! Uomini e donne d'Italia, dell'Impero e del regno d'Albania! Ascoltate!). Таким образом, слушатели с самого начала «инструментализуются», превращаются в орудие войны, что соответствует цели выступления. Императив «Слушайте!» напоминает архаичные обращения вождей и пророков к народу. На протяжении всей речи сакрализация, придание высшего символического значения войне усиливаются.

С первых же слов Муссолини апеллирует к высшим силам, которые заставляют его гово-

речь сегодня: «час, отмеченный судьбой, пробил» (*Un'ora segnata dal destino*). Оратор говорит о «решениях, которые нельзя отменить» (*L'ora delle decisioni irrevocabili*). При этом Муссолини, несмотря на форму диалога, не задает вопросы, он утверждает, декларирует. Являясь проводником высших сил, Муссолини предстает в образе полубога, «отца народа», характерном для вождей тоталитарных режимов. Этот эффект усиливается сценографией его выступлений: всегда на большой площади, с балкона высокого здания, в окружении генералов и высших государственных чиновников.

Обязательная для тоталитарного языка поляризация текста также проявляется в самом начале выступления. Муссолини открыто называет врага – Англию и Францию, обозначая их как «плутократические и реакционные демократии Запада» (*le democrazie plutocratiche e reazionarie dell'Occidente*). Оправдывая вступление в войну, дуче использует очень эффективную стратегию «запугивания», говоря о том, что враги создают препятствие развитию итальянского народа, а иногда и угрожают самому существованию итальянцев. Муссолини призывает в свидетели весь мир, утверждая, что фашистская Италия сделала все возможное, чтобы избежать ситуации, возникшей в Европе, но усилия были напрасны.

Принцип поляризации используется и при сопоставлении народа Италии с будущими противниками в войне. В речи итальянцы предстают молодым, активным народом, который для дальнейшего развития нуждается в расширении границ государства, в выходе к океану: «сорок пять миллионов душ не могут чувствовать себя свободно без выхода к океану». (*un popolo di quarantacinque milioni di anime non e' veramente libero se non ha libero l'accesso all'Oceano*). Война – логическое развитие идей революции, борьба против стареющих угнетателей, оккупировавших права на богатства земли. Таким образом, происходит оправдание фашистской идеи оккупации и уничтожения, утверждается новая мораль.

Фашистская мораль – одна из важнейших идеологем, содержащихся в анализируемом тексте. Муссолини прямо заявляет, что Италия должна поддержать Гитлера согласно законам фашистской морали: «если у тебя есть друг, ты должен маршировать с ним до конца» (*quando si ha un amico si marcia con lui sino in fondo*). Так тоталитаризм использует традиционные общечеловеческие ценности, извращая их смысл, придавая словам значения, противоположные реальным. Например, Муссолини призывает

народ к победе, чтобы «наконец подарить Италии, Европе и всему миру справедливость и мир» (*E vinceremo, per dare finalmente un lungo periodo di pace con la giustizia all'Italia, all'Europa, al mondo*). Рискам и жертвам войны он противопоставляет честь и защиту интересов итальянцев. Муссолини сообщает народу о его особой миссии, призывает итальянцев «пойти на поле боя» и не бояться «высших испытаний», если они хотят определять ход истории.

В результате анализа конкретных тоталитарных текстов обнаружены следующие характеристики тоталитарной риторики: поляризация, создание образа «врага», превознесение собственных побед и успехов, патернализм, декламаторство, установка на сакрализацию политического. Художественные произведения Т. Манна и М.А. Булгакова, центрированные вокруг образа мага, фокусника, углубляют представление о стилистике тоталитарного мышления.

Особые риторические маркеры исследованных кейсов связаны с различием речевых жанров и спецификой аудитории. Если Сталина на кремлевском приеме слушает элита советской России, а его речь приобретает жанровые оттенки здравицы, тоста, то Гитлер и Муссолини работают в «площадном» жанре. Они выступают перед огромной толпой. Соответственно композиция их речей предельно упрощена, риторические приемы заострены, работает принцип «усиления», включенного на полную мощность микрофона. Вместе с тем три упомянутых риторика стремятся к доверительности, в их речах возникают личные интонации.

В тоталитарном дискурсе, рассмотренном на материале трех кейсов, удалось выявить совмещение отвлеченного и конкретного, схематического и индивидуального на основе патернализма, декламаторства, политической сценографии. Тоталитарный дискурс в целом реализует однонаправленную семантику «сверху-вниз», вызывающую массовую реакцию восторженных слушателей, сводящую формат коммуникации к монологичному. Ключевые слова тоталитарного языка выступают при этом как сигналы тоталитарного мышления.

Тоталитарный язык представляет особую угрозу в связи с формированием массового тоталитарного сознания. Виктор Клемперер писал о тоталитарном языке: «Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо» [17, с. 25]. Немецкий лингвист, наблюдавший языковые метаморфозы изнутри и ежедневно пришел к выводу,

что «...сильнейшее воздействие оказывали не отдельные речи и статьи, листовки, плакаты или знамена... Нацизм въедался в плоть и кровь массы через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в голову миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [17, с. 25]. Предпринятое сопоставление выявляет типологические и ситуативные элементы трех тоталитарных дискурсов. Литературно-художественный контекст, представленный произведениями Т. Манна и М.А. Булгакова, помогает глубже понять механизмы воздействия на толпу, примененные тремя тоталитарными риториками и представленные в трех различных, но схожих текстах.

Список литературы

1. Грехнев В.А. Словесный образ и литературное произведение. Н. Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 1997. 198 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисловие Ю.С. Степанова. Общ. ред., вступ. статья и коммент. Патрика Серю. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. С. 12–53.
4. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 26. См. также: Автономова Н. Познание и перевод. М., 2008. С. 7–27.
5. Автономова Н.С. Фуко // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
6. Ван Дейк Т.А. (1998). К определению дискурса [Электронный ресурс] Режим доступа: [psyberlink.flogiston.ru /internet/bits/vandijk2.htm](http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm) (дата обращения 20.03.2012).
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
8. Эйдлин Ф. Крушение новояза // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР. 1989.
9. Thom F. Newspeak: The Language of Soviet Communism (La langue de bois). London – Lexington: Claridge Press, 1989.
10. Клемперер В. Свидетельствовать до конца. Из дневников 1933–1945. М.: Прогресс, 1998. 240 с.
11. Неvejeин В.А. Церемониал и этикет больших кремлёвских приёмов 1930–1940-х гг. // Мир истории. 2011, № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.historia.ru/2011/01/nevezhin.htm> (дата обращения 01.04.2012).
12. Яров С. Риторика вождей: В.И. Ленин и И.В. Сталин как ораторы // Звезда, 2007, № 11 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/ia11.html> (дата обращения 30.03.2012).
13. Беккер К. Словарь технической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль. М.: Ультра. Культура, 2004. 224 с.
14. Щербинин А.И. «С картинки в твоём букваре», или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис, 1999, № 1. С. 116–136.
15. Heer Fr. Der Glaube des Adolf Hitler. Anatomie einer politischen Religiosität. München, Bechtle, 1968.
16. Klemperer V. Tagebücher 1937–1938. Berlin: Aufbau-Verlag, 1995.
17. Клемперер В. ЛП. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 382 с.

COMPARING TOTALITARIAN DISCOURSES: THREE SPEAKERS, THREE TEXTS, THREE LANGUAGES

N.E. Gronskaya, V.G. Zusman, T.S. Batishcheva

In this article, totalitarian discourse is examined in the politics and literature of the first third of the 20th century in Italy, Germany and the USSR. As an example, the speeches of political leaders of the totalitarian period reveal specific characteristics of their mentality and language.

Keywords: mentality, language, totalitarian discourse, the image of the enemy.